

**ЛЕ КОНТ (LE COMPTE), ВАН ЛЕВЕН
(VAN LEUVEN) И ДЕ МЕЙЕР (DE MEYERE)
против БЕЛЬГИИ**

Решение от 23 июня 1981 г.

**КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА**

А. Основные факты

(а) В июне 1971 г. Совет Ордена врачей провинции Западная Фландрия лишил д-ра Ле Конта 1929 г. рождения права заниматься медицинской практикой в течение трех месяцев; основанием для такого решения послужило то, что последний опубликовал в прессе сообщение о санкциях, которые ранее были на него наложены дисциплинарными органами Ордена, и высказывал критические замечания, оскорбительные для Ордена. Решение Совета было подтверждено в октябре 1972 г. апелляционным советом Ордена, который, однако, не подтвердил обвинения в оскорблении. В мае 1974 г. Кассационный суд отклонил жалобу заявителя на решение апелляционного совета. С этого момента был проведен ряд дисциплинарных разбирательств за разглашение в прессе спора заявителя с Орденом, а также и уголовных – за его отказ выполнить решения советов Ордена.

(б) В январе 1973 г. д-ру Ван Левену и д-ру Де Мейеру соответственно 1931-го и 1940 гг. рождения были предъявлены обвинения их коллегами в нарушении норм профессиональной этики: в частности, утверждалось, что они систематически занижали свои гонорары (даже при дежурствах) до сумм, компенсируемых страховыми кассами Социального обеспечения, и бесплатно раздавали в частных домах журнал, выходивший два раза в месяц, в котором насмехались над врачами по общим заболеваниям. Совет Ордена провинции Восточная Фландрия принял решение о лишении их права заниматься врачебной практикой в течение одного месяца. Рассмотрев их жалобу, апелляционный совет Ордена сократил срок отстранения от медицинской практики до пятнадцати дней. В апреле 1975 г. Кассационный суд отклонил их жалобу.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

В своих жалобах, переданных в Комиссию 28 октября 1974 г. и 21 октября 1975 г. соответственно, все три заявителя утверждали, что обязательное нахождение в составе Ордена и, соответственно, обязанность подчиняться его правилам противоречит статье 11 Конвенции и что в ходе их дисциплинарного преследования они были лишены гарантий, установленных стать-

ей 6 Конвенции. Жалобы были признаны частично приемлемыми к рассмотрению — 6 октября 1976 г. (Ле Конт) и 10 марта 1977 г. (Ван Левен). Тогда же Комиссия приняла решение об объединении этих дел; после безуспешной попытки добиться мирового соглашения сторон Комиссия подготовила доклад, в котором установила факты и пришла к выводу о том, что:

не было нарушения статьи 11 п. 1 Конвенции, ибо Орден врачей не является ассоциацией (единогласно);

статья 6 п. 1 применима к спорам, повлекшим дисциплинарные меры против заявителей (восемь голосов против трех);

имело место нарушение статьи 6 п. 1, поскольку дело заявителей не разбиралось “публично” (восемь голосов против трех) “беспристрастным судом” (семь голосов против четырех).

Европейская Комиссия передала дело в Суд 14 марта 1980 г., Правительство Бельгии — 23 апреля 1980 г.

ИЗВЛЕЧЕНИЯ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. О первичной жалобе по статье 10

В начале разбирательства дела, кроме статей 6 п. 1, 11 и 17, врачи Ле Конт, Ван Левен и Де Мейер ссылались на статью 10: по их утверждению, дисциплинарные санкции, наложенные на них, были направлены на то, чтобы не дать им возможность распространять некоторые идеи и информацию. Таким образом, опротестовывались не процедура принятия Орденем решений и не обязанность врачей вступать в Орден, а само содержание принятых решений. Это был не просто один из доводов в обосновании их жалоб по статьям 6 п. 1, 11 и 17, а отдельная жалоба. Она была отклонена Комиссией в связи с неисчерпанием внутренних средств защиты (см. п. 36 выше), и не вошла в материалы дела, переданные в Суд (см., в частности, решение по делу Шессера от 4 декабря 1979 г. Серия А, т. 34, с. 17, п. 41).

О предполагаемом нарушении статьи 6 п. 1

Заявители считают себя пострадавшими от нарушений статьи 6 п. 1, которая гласит:

“1. Каждый человек имеет право при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако пресса и публика могут не допускаться на судебные заседания в течение всего процесса или его части по соображениям морали, общественного порядка или государственной безопасности в демократическом обществе, а также когда того требуют интересы несовершеннолетних или для защиты частной жизни сторон, или — в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо — при особых обстоятельствах, когда гласность нарушала бы интересы правосудия”.

Учитывая выдвигаемые заявителями требования, первая проблема, которую необходимо решить, — это вопрос о применимости статьи 6 п. 1; таковой ее считает большинство Комиссии и не считает Правительство.

А. О применимости статьи 6 п. 1

Статья 6 п. 1 действует только в отношении споров о правах и обязанностях гражданско-правового характера и “рассмотрения любого уголовного обвинения”. Некоторые дела не подпадают под действие данной статьи, т. к. их нельзя отнести ни к одной из этих категорий; Суд это констатировал неоднократно (см. например, решение по делу Лоумсса от 1 июля 1961 г. Серия А, т. 3, с. 51, п. 12; решение по делу Ноймастера от 27 июня 1968 г. Серия А, т. 8, с. 43, п. 23; решение по делу Гуццарди от 6 ноября 1980 г. Серия А, т. 39, с. 40, п. 108).

Таким образом, как это совершенно справедливо подчеркивается Правительством в его ссылке на решение по делу Энгеля от 8 июня 1976 г., дисциплинарные преследования как таковые не относятся к “уголовным делам”; однако в конкретных случаях дело может обстоять совершенно иначе (Серия А, т. 22, с. 33—36, п. 80—85).

Равным образом такие преследования не сводятся обычно к спорам о правах и обязанностях гражданско-правового характера (там же дело, с. 37, п. 87 *in fine*). Однако не исключена возможность того, что при некоторых обстоятельствах дело будет обстоять иначе. До сих пор Суду не приходилось специально решать подобный вопрос; в деле Кёнига, упомянутом Правительством и Комиссией, заявитель жаловался только на большие сроки прохождения дела в административном суде, после того как исполнительный орган лишил его лицензии на управление клиникой, а затем запретил заниматься медицинской практикой (решение от 28 июня 1978 г., Серия А, т. 27, с. 8, п. 18 и с. 28, п. 85; см. также вышеуказанное решение по делу Энгеля, с. 36—37, п. 87, первый абзац).

43. В данном случае необходимо установить, применима ли статья 6 п. 1 к части процедуры или к ней в целом при прохождении дела по всем инстанциям: в советах провинций и апелляционном, в компетенции которых находятся дисциплинарные вопросы, а затем в Кассационном суде, который является судебным органом

Правительство, Комиссия и заявители обсуждали данную проблему, по крайней мере после принятия решения о приемлемости от 6 октября 1976 г. и 10 марта 1977 г., только в свете “спора о гражданско-правовых правах и обязанностях”. Суд считает уместным и для себя рассматривать дело с этих позиций.

О наличии “судебных споров” о правах и обязанностях гражданско-правового характера

Решения по делу Рингейзена от 16 июля 1971 г. и Кёнига от 28 июня 1978 г. дают возможность выявить некоторые значения формулы “гражданско-правовые права и обязанности”. Первое значение показывает, что она охватывает “любую процедуру, результат которой является определяющим в отношении прав и обязанностей частного характера”, даже если речь идет о споре между частным лицом и органом государственной власти; безотносительно к тому, на основании какого “закона должен быть разрешен спор” и какой орган компетентен вынести данное решение (Серия А, т. 13, с. 39, п. 94).

Эта формула лежала в основе дела Кёнига и среди обсуждавшихся прав было право на “продолжение медицинской практики по “получении необходимых разрешений”. В свете обстоятельств того дела Суд отнес это право к области частного права, т. е. Гражданского, в свете статьи 6 п. 1 (вышеуказанное дело, с. 29—32, п. 88—91 и 93—95).

В последующей судебной практике эти выводы получили развитие в решении по делу Голдера от 21 февраля 1975 г. По этому делу Суд пришел к заключению о том, что “статья 6 п. 1 гарантирует каждому право на то, чтобы любая жалоба, связанная с гражданскими правами и обязанностями, рассматривалась в судебной инстанции” (Серия А, т. 18, с. 18, п. 36). Из этого следует, кроме всего прочего, что эта статья действует не только в отношении уже начатой процедуры: на нее может ссылаться каждый, кто, считая незаконным вмешательство в осуществление одного из своих (гражданских) прав, заявит, что не имел возможности возбудить дело в суде, отвечающем требованиям статьи 6 п. 1.

В настоящем деле следует прояснить первый момент: действительно ли речь идет о “судебном споре” в смысле “двух противостоящих требований” (выступление представителя Правительства)?

Дух Конвенции требует воспринимать это выраженное не в узко техническом значении, а дать ему скорее материальное, чем формальное определение, тем более что в английском тексте пункта 1 статьи 6 эта “идея спора” четко не отражена (*“In the determination of his civil rights and obligations”*, т. е. буквально — при определении его гражданских прав и обязанностей; ср. статью 49: “dispute” — “спор”).

Если исходить из того, что французское слово “*contestation*” говорит о том, что наличие спора имеет место, то материалы дела свидетельствуют совершенно четко о его наличии. Орден врачей обвинил заявителей в дисциплинарных нарушениях, им пришлось защищаться, и на них были наложены санкции. Компетентным советом провинции они были признаны виновными и временно лишены права заниматься профессиональной деятельностью — в отношении д-ра Ле Конта это было сделано заочно (Западная Фландрия), а в отношении д-ра Ван Левена и д-ра Де Мейера (Восточная Фландрия) — после того как их доводы были заслушаны советом. Их дела рассматривал апелляционный совет, где участвовали все трое; пользуясь помощью адвоката, они ссылались, в частности, на статью 6 п. 1 и на статью 11. Искомого результата они в целом не добились, после чего обратились в Кассационный суд, ссылаясь, в частности, на Конвенцию (см. п. 10—11 и 15—19 выше).

Важно, чтобы “спор” относился к “правам и обязанностям гражданско-правового характера” и чтобы результат судебного разбирательства был “определяющим” для такого права (см. вышеуказанное решение по делу Рингейзена).

По утверждению заявителей, речь шла об их праве продолжать свою профессиональную деятельность; в решении по делу Кёнига от 28 июня 1978 г. как раз и признавался “гражданский характер” данного права (упомянутое решение, с. 31—32, п. 91 и 93).

По утверждению Правительства, решения советов провинций и апелляционного в данном случае имели лишь “косвенное действие”. В противовес тому, что было сделано административными судами Германии по делу Кёнига, бельгийские компетентные органы, по утверждению Правительства, не проверяли правомерность предшествующего акта об изъятии лицензии

на медицинскую практику: им надлежало лишь проверить, были ли нарушения в медицинской этике, которые оправдывали наложение дисциплинарных взысканий. Во всяком случае "спор" по поводу права на дальнейшее занятие медицинской практикой" возник "на последующем этапе": т. е. когда д-ра Ле Конт, Ван Левен и Де Мейер обратились в Кассационный суд, назвав незаконными меры, принятые по отношению к ним. Правительство утверждало также, что право не имеет "гражданского характера"; и оно призывало Суд отойти от той позиции, которая была принята в решении по делу Кёнига.

Что касается вопроса о том, идет ли речь именно об этом праве, то Суд считает, что каждый из двух официальных текстов статьи 6 п. 1 Конвенции (французский "contestation sur" — "оспаривание" и английский "determination of" — "определение"), говорит не о тонких связях и отдаленных последствиях; гражданские права и обязанности должны быть очевидным предметом или одним из предметов "спора"; результат судебного процесса имеет прямое значение для установления этих прав.

Согласившись в этом с Правительством Суд не разделяет его мнения о том, что в данных делах не было прямой зависимости между вышеуказанными спорами и правом на дальнейшее занятие медицинской практикой. Решение о приостановлении профессиональной деятельности, принятое советом провинции 30 июня 1971 г. в отношении д-ра Ле Конта и 24 октября 1973 г. в отношении д-ров Ван Левена и Де Мейера, лишало их хоть и временно права заниматься медицинской практикой. Именно это право и было предметом рассмотрения в апелляционном совете и в Кассационном суде.

Врачи, практикующие как лица свободных профессий, каковыми и являются заявители, реализуют свое право на занятие медицинской практикой в частных правоотношениях с клиентами и пациентами; в соответствии с правом Бельгии такие отношения обычно имеют форму договорных или квазидоговорных отношений и в любом случае устанавливаются непосредственно между отдельными лицами; публичные власти не могут сколько-нибудь существенно или определяющим образом вмешиваться в этот процесс. Таким образом, речь идет о праве, имеющем частный характер, независимо от специфики профессии врача, ее общественной значимости и тех особых обязанностей, которые с ней связаны.

Таким образом, Суд приходит к заключению о применимости статьи 6 п. 1; как и по делу Кёнига (см. вышеуказанное решение, с. 32, п. 95), Суд не считает необходимым изучать вопрос о том, является ли понятие "гражданские права" более широким, чем понятие "права, имеющие частный характер".

Два члена Комиссии, г-н Фровейн и г-н Полак, в своем несовпадающем мнении подчеркивают, что в настоящем споре затрагивался вопрос не об изъятии лицензии на медицинскую практику, как это было в деле Кёнига, а о ее временном приостановлении на относительно небольшой срок: три месяца для д-ра Ле Конта, две недели — для д-ров Ван Левена и Де Мейера. По их мнению, такое временное приостановление не является вмешательством в гражданские права; оно может рассматриваться как простое их ограничение.

Эта позиция, которую Правительство разделяет как "субсидиарную", не разделяется Судом. Обжалованное заявителями временное приостановление медицинской практики в противовес некоторым другим дисциплинарным наказаниям, которым они подверглись (предупреждение, порицание,

выговор — см. выше п. 32), явно представляет собой прямое и существенное вмешательство в осуществление права на медицинскую практику. Несмотря на временный характер, данная мера представляла собой вмешательство в это право (ср. *mutatis mutandis* вышеуказанное решение по делу Голдера, с. 13, п. 26); определение “гражданских прав и обязанностей”, о чем говорит п. 1 статьи 6, имеет целью подтвердить не только наличие этого права как такового, но определять также сферу его действия и условия, которыми лицо, обладающее этим правом, может пользоваться.

Поскольку оспариваемые решения должны рассматриваться как относящиеся к вопросу о “правах и обязанностях гражданско-правового характера”, заявители имели право на рассмотрение их дела в “суде”, отвечающем требованиям статьи 6 п. 1 (см. решение по делу Голдера, с. 18, п. 36).

Фактически этим случаем занимались три органа: совет провинции, апелляционный совет и Кассационный суд. В связи с этим возникает вопрос, отвечали ли эти органы требованиям статьи 6 п. 1.

(а) Суд не считает необходимым устанавливать, как обстояло дело с советом провинции. Хотя статья 6 п. 1 гарантирует “право на суд” (см. п. 44 выше), государства-члены тем не менее не обязаны ограничивать рассмотрение гражданско-правовых споров процедурой, каждый этап которой должен проходить в “судах” в соответствии с установленными правилами. Предварительное вмешательство административных или корпоративных органов и даже а fortiori юрисдикционных органов, не во всем отвечающих всем необходимым требованиям, может оказаться оправданным в связи с требованиями гибкости и эффективности, вполне совместимыми с защитой прав человека; это отвечает правовой традиции многих стран-членов Совета Европы. В этом смысле Суд признает справедливость доводов Правительства и г-на Спердути в его несовпадающем мнении.

(б) Когда совет провинции временно лишил права заниматься профессиональной деятельностью д-ров Ле Конта, Ван Левена и Де Мейера, они обратились в апелляционный совет.

По утверждению Правительства, этот совет не должен соответствовать требованиям статьи 6 п. 1, т. к. его решение может быть обжаловано в Кассационный суд, процедура в котором, без всякого сомнения, должна соответствовать этим требованиям.

Суд не согласен с этими доводами. Как в отношении гражданских дел, так и в отношении уголовных (решение по делу Девеера от 27 февраля 1980 г. Серия А, т. 35, с. 24—25, п. 48) статья 6 п. 1 не делает различий между вопросами факта и права. И те и другие имеют определяющее значение для исхода процесса, предмет которого “гражданские права и обязанности”. И те и другие обоюдно значимы для “права на суд” (см. решение по делу Голдера, с. 18, п. 36) и для правового разрешения спора (см. решение по делу Кёнига, с. 34, п. 98 *in fine*). Кассационный суд не рассматривает фактические обстоятельства, равно как не проверяет соразмерность вины и наказания (см. п. 33 выше). Это означает, что требования статьи 6 п. 1 будут выполнены только в том случае, если им будет отвечать Апелляционный суд.

О наличии “уголовных обвинений”

52. Принимая решение о приемлемости жалоб, Комиссия заявила, что органы Ордена врачей не должны были решать вопрос об обоснованности уголовных обвинений; Комиссия напоминает об этом в п. 67 своего доклада.

Суд считает излишним решать вопрос, который не поставлен заявителями перед Судом: как и в деле Кёнига (см. решение, с. 32—33, п. 96) вопросы, относящиеся к нормам статьи 6, о нарушении которых заявляют заявители, равнозначны в отношении как гражданских, так и уголовных дел.

В. О соблюдении статьи 6 п. А

С учетом требования, установленного в п. 51, уместно выяснить, соответствовали ли по своим полномочиям, апелляционный совет и Кассационный суд требованиям статьи 6 п. 1: первый — потому что только он провел полную проверку мер, касающихся гражданских прав, второй — потому что он проводил окончательную проверку законности этих мер. Необходимо, таким образом, установить, являлся ли каждый из них “независимым” и “беспристрастным” судом, “созданным на основании закона”, и осуществил ли он “публичное” разбирательство дела заявителей.

В отличие от Кассационного суда в отношении апелляционного совета как юрисдикционного органа имеются некоторые сомнения в том, может ли он быть назван судом в собственном смысле слова. В соответствии с судебной практикой Суда (см. решение по делу Ноймастера, с. 44; решение по делу *Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии* от 18 июня 1971 г. Серия А, т. 12, с. 41, п. 78; решение по делу Рингейзена, с. 39, п. 95), заслуживает название суда орган, отвечающий ряду требований: независимость по отношению как к исполнительной власти, так и к сторонам в процессе, продолжительность мандата членов суда, гарантии судебной процедуры — многие из этих требований фигурируют в самом тексте статьи 6 п. 1. По мнению Суда, таков и данный случай с учетом приводимых далее уточнений.

Кассационный суд несомненно основан на законе, поскольку он учрежден Конституцией (статья 95); апелляционный совет, как отмечает Суд вместе с Комиссией и Правительством, был создан как любой другой орган Ордена врачей на основании Закона от 25 июля 1938 г., реорганизован в соответствии с Королевским указом № 79 от 10 ноября 1967, который, в свою очередь, был основан на Законе от 31 марта 1967 г., передавшем королю некоторые полномочия (см. п. 20 выше).

Независимость Кассационного суда не может быть поставлена под сомнение (см. решение по делу Делькура от 17 января 1970 г. Серия А, т. 11, с. 19, п. 35). По мнению Суда, который в этом вопросе согласен с Комиссией и Правительством, то же можно сказать и об апелляционном совете. В самом деле, в составе совета обеспечен полный паритет между практикующими врачами и судьями судебного ордена, председателем совета является судья, назначаемый королем, который имеет право решающего голоса в случае разделения голосов поровну. Продолжительность мандата членов совета (шесть лет) дает дополнительные гарантии (см. п. 26 выше).

В отношении беспристрастности Кассационного суда никаких проблем нет (см. вышеуказанное решение по делу Делькура, с. 19, п. 35).

Что же касается апелляционного совета, то Комиссия выразила мнение о том, что в данном деле он не является беспристрастным судом, ибо если судьи могут быть признаны нейтральными, то врачи — члены этого совета скорее отрицательно относятся к заявителям, т. к. их интересы близко соприкасались с интересами одной из сторон процесса.

Суд не разделяет этого мнения в отношении состава этой юрисдикции; наличие в нем судей, занимающих половину мест, в том числе и место

председателя с решающим голосом (см. п. 26 выше), является достаточным залогом беспристрастности, а система выборов врачей советом провинции не является достаточным основанием для обвинения в пристрастности (ср. *mutatis mutandis* вышеуказанное решение по делу Рингейзена, с. 40, п. 97).

Что касается беспристрастности лично каждого из членов совета, то это должно презюмироваться, пока не будет доказано обратное; как подчеркивает Правительство, ни один из заявителей не воспользовался своим правом на отвод (см. выше п. 31).

Королевский указ от 6 февраля 1970 г. абсолютно исключает всякую гласность как во время слушаний в апелляционном совете, так и при оглашении его решений (см. п. 31 и 34 выше).

Статья 6 пункт 1 Конвенции содержит некоторые исключения из правила публичности судебного разбирательства, но эти исключения связаны с определенными условиями. Между тем из материалов совершенно не следует, что какое бы то ни было из этих условий было налицо в данных делах. Ни нарушения, которые вменялись в вину заявителям, ни претензии заявителей к Ордену врачей по своему характеру не относились к искусству врачевания. В данном случае речь не шла ни о соблюдении профессиональной тайны, ни о защите личной жизни этих врачей или пациентов; Суд не поддерживает противоположное мнение Правительства. Среди всех оснований, перечисленных во второй фразе п. 1 статьи 6, нет таких мотивов, которые могли бы оправдать закрытость разбирательства, да и само Правительство не привело таких мотивов.

Таким образом, врачи Ле Конт, Ван Левен и Де Мейер имели право на открытое разбирательство. По правде говоря, ни дух, ни буква статьи 6 п. 1 не мешали им отказаться от публичного разбирательства по собственному специально выраженному желанию или с их молчаливого согласия (ср. вышеуказанное решение по делу Девеера, с. 26, п. 49); если такого рода разбирательство по дисциплинарным вопросам проходит с согласия заинтересованного лица при закрытых дверях, то это не является нарушением Конвенции. Однако в данном деле заявители явно желали и требовали проведения публичного разбирательства. Статья 6 п. 1 не позволяла им в этом отказать, поскольку данное дело не подпадало ни под один из случаев, перечисленных в ее пункте первом.

Публичность процесса в Кассационном суде Бельгии не может компенсировать установленное упущение. Ведь этот высший судебный орган “не рассматривает дело по существу” (статьи 95 Конституции и 23 Королевского декрета № 79), так что многие аспекты “споров”, связанных с “определением прав и обязанностей гражданско-правового характера”, уходят из-под его контроля (см. п. 33 и 51 выше). И получилось, что по вопросам, связанным с данным делом, не было ни публичного разбирательства, ни публичного объявления решения, как это требует статья 6 п. 1.

Таким образом, дело заявителей не разбиралось “публично” в суде, обладающем полнотой компетенции, что не соответствует статье 6 п. 1 в обстоятельствах данного дела.

О предполагаемое нарушение статьи 11

Заявители ссылаются на нарушение статьи 11, которая гласит:

“1. Каждый человек имеет право на свободу мирных собраний и на свободу ассоциации с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в таковые для защиты своих интересов.

Осуществление этих прав не подлежит никаким ограничениям, кроме тех, которые установлены законом и которые необходимы в демократическом обществе в интересах государственной безопасности и общественного спокойствия, в целях предотвращения беспорядков и преступлений, для охраны здоровья и нравственности или защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует введению законных ограничений на осуществление этих прав лицами, входящими в состав вооруженных сил, полиции или административных органов государства”.

По утверждению заявителей, обязанность вступать в Орден врачей (см. п. 21 выше) нарушает право на свободу ассоциации (которое предполагает так же свободу не вступать в ассоциации) и выходит за рамки ограничений, установленных статьей 11 п. 2; кроме того, само создание Ордена врачей ограничивает вышеуказанную свободу.

В своем докладе Комиссия единогласно выражает мнение, в целом сходное с утверждением Правительства, о том, что по своей правовой природе и с учетом его чисто публичной функции Орден не имеет характера ассоциации в смысле статьи 11 п. 1.

Суд констатирует, во-первых, что Орден врачей Бельгии — это институт публичного права. Будучи созданным законодателем, а не частными лицами, он интегрирован в государственные структуры, и в большинстве из его органов имеются судьи, назначаемые королем. Орден преследует цель, представляющую общественный интерес, т. е. охрану здоровья людей, обеспечивая в соответствии с законодательством некоторый публичный контроль за профессиональной деятельностью врачей. В рамках данной компетенции он должен определить структуру Ордена и членство в нем. Для осуществления задач, которые бельгийское государство поставило перед ним, он пользуется в соответствии с законом очень широкими правами, в том числе административными и дисциплинарными, и использует в связи с этим процедуры, свойственные публичной власти (см. п. 20—34 выше).

С учетом всех этих моментов, взятых в целом, Орден не может быть признан ассоциацией в смысле статьи 11. Кроме того, создание данного Ордена бельгийским государством не является препятствием для врачей создавать профессиональные ассоциации и вступать в них, в противном случае, статья 11 была бы нарушена. Тоталитарные режимы прибегали и прибегают до сих пор к созданию некоторых особых и закрытых организаций, принудительно загоняя в них лиц по профессиям и подменяя ими традиционные профессиональные ассоциации и профсоюзы. Авторы Конвенции имели в виду именно эти злоупотребления и предотвратили их (*Recueil des Travaux préparatoires*, v. II, p. 117—119).

Суд отмечает, что в Бельгии имеется много ассоциаций, занимающихся защитой профессиональных интересов врачей, в которые они вольны вступать или не вступать (см. п. 22 выше). При этих обстоятельствах наличие Ордена врачей, и как следствие, обязанность врачей быть в его списке и подчиняться органам Ордена не преследуют цели ограничения и тем более ликвидации права, гарантированного статьей 11 п. 1.

Поскольку нет нарушения права на свободу, защищаемого статьей 11 п. 1, нет необходимости рассматривать вопрос в свете п. 2 и устанавливать, закреплена ли в Конвенции свобода не вступать в ассоциации.

IV. Применение статьи 50

Во время слушаний адвокат заявителей обратился к Суду с просьбой предоставить им, в случае если будет признано нарушение Конвенции, спра-

ведливое возмещение на основании статьи 50. При этом он добавил, что “еще не может определить точную сумму возмещения в связи с возможностью компенсации, пусть даже и частичной, в соответствии с внутренним правом Бельгии”.

Правительство относительно применения статьи 50 не высказывалось.

Хотя данный вопрос поднят в связи со статьей 47 бис Регламента, он еще должным образом не подготовлен. Суд откладывает его рассмотрение и считает, что при данных обстоятельствах следует направить дело в Палату в соответствии со статьей 50 Регламента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

Постановил пятнадцатью голосами против пяти, что статья 6 п. 1 Конвенции применима в данном деле;

Постановил шестнадцатью голосами против четырех, что имеет место несоответствие этой статье, так как дело заявителей не разбиралось публично в суде, обладающем полнотой компетенции;

Постановил единогласно, что не было нарушения в других жалобах заявителей по данной статье, а также статьи 11;

Постановил единогласно, что вопрос о применении статьи 50 не готов к рассмотрению:

(а) в связи с этим оно отложено;

(b) дело направлено в Палату согласно статье 50 п. 4 Регламента.

Совершено на французском и английском языках, французский текст является аутентичным, оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 23 июня 1981 г.

Марк-Андре Эйсен
Грефье

Жерар Виарда
Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 50 п. 2 Регламента Суда к настоящему решению прилагаются отдельные мнения судей.

СОВМЕСТНОЕ ОТДЕЛЬНОЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ КРЕМОНА И БИНДШЕДЛЕР-РОБЕРТ

Как и большинство наших коллег, мы пришли к заключению, что в данном деле имело место нарушение статьи 6 п. 1 Конвенции, но по другим основаниям.

Первый вопрос, который, по нашему мнению, необходимо рассмотреть в данном случае, можно сформулировать следующим образом: что в данном деле было предметом разбирательства на национальном уровне? Надо было установить, соблюдали ли заявители нормы медицинской этики, применяемые в их стране и направленные на защиту порядочности и достоинства в

профессии врача. По нашему мнению, это само по себе не является “спором о гражданских правах” заявителей в смысле статьи 6 п. 1.

Но, без сомнения, было бы нереалистично и, как нам кажется, неправильно отделять это от санкций, налагаемых в соответствии с законодательством за несоблюдение данных норм; фактически оба данных аспекта должны рассматриваться вместе как одно целое. Но даже и в этом случае последствия санкции для профессиональной деятельности, по нашему мнению, все-таки не ведет к спору о “гражданских правах” как таковых; поэтому мы не можем согласиться с заключением большинства по данному вопросу и вынуждены отмежеваться от доводов и большинства оснований, ведущих к этому или вытекающих из этого.

В данном случае речь идет о процедурах чисто дисциплинарного характера (заявителям было предъявлено обвинение, они были признаны виновными и получили наказание) по правонарушениям, влекущим санкции, которые могут быть достаточно тяжелыми. В этом деле просматривается уголовно-правовой аспект, который вызывает необходимость внимательно посмотреть, нет ли при данных обстоятельствах предмета настоящего уголовного обвинения в смысле решения по делу Энгеля. В связи с этим мы хотели бы добавить, что данному несомненно правильному решению не было придано то значение, которого оно заслуживает. В самом деле, если в данном деле большинство видит предметом разбирательства право продолжать медицинскую практику, это означает, что оно придает основное значение санкциям или их результату.

В решении по делу Энгеля Суд решил, что дела дисциплинарного характера (в данном случае они таковыми и были) в принципе не подпадают в сферу действия статьи 6 п. 1, но существуют ситуации, когда за обвинением, квалифицируемым в национальном праве как дисциплинарное, на самом деле скрывается уголовное обвинение. Как указывалось в решении, хотя характер правонарушения в данном деле позволял государству применить к обвиняемому дисциплинарное право, а не уголовное, контроль, осуществляемый Судом, “в принципе оказался бы иллюзорным, если бы при этом не учитывалась степень тяжести санкции, которая может быть наложена на правонарушителя” (Серия А, т. 22, с. 35, п. 82). В этом деле в свете дисциплинарного права, действующего в вооруженных силах, Суд имел дело с санкциями, равнозначными лишению свободы; он отметил, что в обществе, приверженном верховенству права, лишение свободы отнесено к сфере “уголовного права, а в иных случаях может применяться в качестве меры наказания лишь тогда, когда по своей природе, продолжительности или способу исполнения оно не может нанести большого вреда” (там же).

По нашему мнению, это положение применимо и в тех случаях, когда, как в данном деле, мерой наказания является исключение из профессиональной организации, что по существу означает лишение заявителей права заниматься в будущем медицинской практикой; вряд ли стоит напоминать, что эта мера является исключительно строгой (ср. такие существующие в некоторых законодательствах меры уголовного наказания, как запрещение заниматься торговой или профессиональной деятельностью, однако они обычно носят временный характер).

В свете вышеизложенного мы полагаем, что в данном случае речь идет об уголовном обвинении. С учетом того, как оно было определено, мы также считаем, что в данном случае были выполнены не все требования статьи 6 п. 1 и что соответственно из этого следует нарушение этой статьи.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЛИША

Я сожалею, что не могу поддержать моих уважаемых коллег, пришедших к заключению о том, что в деле Ле Конта применима статья 6 п. 1 Европейской конвенции о защите прав человека.

Толкование терминов “споры о гражданских правах” и “обязанности гражданско-правового характера” дало огромное количество вариантов; однако их смысл и действие еще окончательно не установлены.

В решении по делу Рингейзена от 16 июля 1971 г. сказано, что “французский термин “оспаривание” таких прав и обязанностей охватывает всю процедуру, результат которой является для них определяющим и что “английский текст подтверждает такое толкование” (Серия А, т. 13, с. 39, п. 94).

По делу Голдера от 21 февраля 1975 г. Суд решил, что любое лицо имеет право обратиться в суд, отвечающий требованиям статьи 6 п. 1 для решения о спорах о гражданских правах и обязанностях (Серия А, т. 18, с. 18, п. 36).

И наконец, в своем решении по делу Кёнига от 28 июня 1978 г. Суд признал “гражданский характер” права на дальнейшее осуществление медицинской деятельности и на использование клиники (Серия А, т. 27, с. 31—32, п. 91—93).

Мне представляется излишним повторить аргументы судьи Матшера о применимости статьи 6 п. 1, с которыми я полностью согласен.

Я пришел к аналогичному выводу на основе иных соображений.

В данном деле большинство Суда “полагает, что каждый из двух официальных текстов (во французском “оспаривание”, в английском “определение”) статьи 6 п. 1 говорят не о тонких связях и отдаленных последствиях; гражданские права и обязанности должны быть очевидным предметом или одним из предметов “спора”; а это право должно прямо определяться результатом судебного процесса”; имеет прямое значение для установления этих прав (п. 47).

Таким образом, отныне любое дело дисциплинарного характера, результат которого является определяющим для прав и обязанностей частного характера любых лиц, будь то врачи, нотариусы, судьи, адвокаты или судебные исполнители — относится к сфере применения статьи 6, поскольку санкция затрагивает частное право, — даже в виде штрафа. И наоборот, дисциплинарные меры пресечения — предупреждение и выговор, не сопровождающиеся наказаниями имущественного характера, по мнению большинства Суда, по всей видимости, не охватываются диспозицией статьи 6 п. 1, хотя эти санкции могут причинить моральный вред, а значит, носит частно-правовой характер.

Начатый против заявителей процесс был направлен на выявление дисциплинарных проступков, наказуемых соответствующими санкциями в случае доказанности вины; он касался вопросов дисциплины и поведения, которое дисциплинарными органами признавалось предосудительным.

Таким образом, предмет разбирательства сводился к доказательству законно установленной профессионально-этической нормы поведения.

Так как учитывается только право, являющееся предметом разбирательства (решение по делу Кёнига, с. 30, п. 90 *in fine*) и так как его гражданский характер зависит от характера и предмета иска (там же, с. 29—30, п. 88—90), то приходится признать, что в отличие от дела Кёнига, которое

непосредственно касалось частных прав, т. е. осуществления врачебной деятельности и использования частной клиники, дисциплинарные разбирательства против заявителей не могут быть признаны такими, предмет которых — определение прав или обязанностей гражданско-правового характера.

И действительно, рамки каждого разбирательства ограничены предметом спора; судебный орган, в который обратились стороны, призван рассматривать правовые притязания сторон в рамках всего процесса в целом. Нельзя не согласиться с тем, что именно из этого правоотношения рождаются права и обязанности в пользу или против той или иной стороны. Однако в частном праве эти права и обязанности имеют прямое происхождение, они заложены в нем, а в дисциплинарных делах гражданский характер санкции как “результат процесса” проявится только вследствие предварительной констатации профессионального проступка, являющегося предметом разбирательства и влекущего за собой последствия частного характера.

В данном деле предметом разбирательства было не право заявителей заниматься врачебной практикой, а обязанность соблюдать профессионально-этические правила и нормы публично-правового характера, нарушение которых имело косвенные и второстепенные последствия лишь на последующем этапе, когда определялась санкция.

Так как вопреки мнению Суда (п. 47) обжалуемое временное запрещение заниматься врачебной практикой не было прямым и необходимым следствием разбирательства, оно не было нацелено на лишение врачей права заниматься врачебной практикой; результат данного разбирательства мог бы быть совершенно иным и выразиться в простом предупреждении. Мне кажется неправильным утверждение, что данное дело касалось права заниматься врачебной практикой.

Аналогия с решением по делу Кёнига мне представляется не очень удачной. Различие в том, что в деле Ле Конта решение о временном отстранении (частного характера) было принято после констатации непрофессионального поведения заявителя, а в деле Кёнига в связи с неспособностью осуществлять искусство врачевания и использовать клинику; это фактически — гражданское право, вопрос права собственности, поскольку после проверок он был полностью лишен права заниматься врачебной практикой.

Из всего вышесказанного следует, по моему мнению, что в данном деле статья 6 п. 1 не применима.

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ МАТШЕРА

По причинам, аналогичным тем, которые я изложил в моем особом мнении по делу Кёнига (Серия А, т. 27, с. 45 и след.), я, к сожалению, и в данном случае не могу разделить мнение большинства Суда, которое пришло к заключению о нарушении статьи 6 п. 1 Конвенции.

В самом деле, можно было предвидеть, что доктрина по делу Кёнига, которая придала понятию “оспаривание гражданских прав и обязанностей” гражданско-правового характера некоторый смысл и значение, не вытекающее из статьи 6 п. 1 Конвенции, будет создавать все большие трудности, связанные с ее разумным толкованием, которое, с одной стороны, должно быть совместимо с ее текстом и смыслом и в то же время служить особым

интересам тяжущихся лиц и общим интересам Конвенции о защите прав человека. Данное дело является тому первым доказательством. Можно было ожидать, что Суд воспользуется данным делом, чтобы еще раз подумать над обоснованностью своего понимания понятия “спора о гражданских правах”. Однако Суд не ограничился тем, что подтвердил данную доктрину в целом; он расширил ее, заложив тем самым основы для появления еще более серьезных проблем.

Настоящее решение, как, кстати, и решение по делу Кёнига, проникнуто, вне всякого сомнения, благородным чувством обеспечить человеку защиту от вмешательства государственных, корпоративных и общественных органов в такую важную область, как осуществление профессиональной деятельности. Что Конвенция ущербна в этом отношении, подчеркивалось мной неоднократно. Но по моему представлению о судебной деятельности, обеспечение соблюдения прав, которые не включены в Конвенцию, не входит в функции международного суда. Судебное толкование не может стать действенным средством решения подобной ситуации, тем более что оно рискует нарушить систему Конвенции в ее особо чувствительных частях; решение может исходить только от законодателя, т. е. от государств-членов, которые должны принять поправки к Конвенции.

Я не вижу необходимости повторять здесь те доводы, которые я приводил в моем особом мнении, указанном выше, и которые могут быть отнесены и к настоящему делу, ибо это дело имеет общую с делом Кёнига основу, хотя они и не являются идентичными.

2. Решение по делу Кёнига гласит (п. 91—93), что право на дальнейшее занятие медицинской практикой является гражданским правом в смысле статьи 6 п. 1, так как деятельность врача связана главным образом (в правовом аспекте) с частноправовыми отношениями со своими пациентами. Поэтому административное лишение разрешения на врачебную практику ведет к “спору о гражданском праве”, причем результат судебного процесса будет “определяющим” для данного права как предмета спора.

Я не хотел бы возвращаться к данному весьма спорному выводу, сошлюсь лишь на доводы, которые в связи с этим были высказаны в моем вышеуказанном особом мнении (см. с. 46).

В решении по делу Кёнига (п. 95) Суд по крайней мере смог заявить, что лишение разрешения заниматься врачебной деятельностью было предметом (или одним из предметов) процессов, начатых администрацией против заявителя. Если право заниматься какой-либо профессией, даже регулируемой публичным правом (что я оспариваю), можно считать гражданским правом, то и процедура по лишению этого права должна также носить гражданско-правовой характер.

В данном же деле все обстояло совершенно иначе. Право заявителей на дальнейшее занятие врачебной практикой не было предметом разбирательств ни в органах Ордена врачей, ни в Кассационном суде. Эти разбирательства имели единственную цель — установить, нарушили ли заявители нормы медицинской этики, и при положительном ответе их надлежало подвергнуть соответствующей санкции — приостановлением права заниматься врачебной практикой. Только эта санкция затрагивала их профессиональное положение и тем самым имела косвенное влияние на частноправовые отношения, которые заявители могли иметь со своими пациентами. А ведь, как совершенно справедливо установил сам Суд, “отдаленные” гражданско-пра-

новые последствия разбирательства, недостаточны для того, чтобы придать спору гражданско-правовой характер.

Что касается наказаний за нарушение норм медицинской этики, в крайнем случае данное дело можно квалифицировать как уголовное. Кстати в самом решении там, где речь идет (п. 45) о “дисциплинарных проступках”, в которых заявители были “признаны виновными” рекомендовано именно такое толкование. Однако по иным причинам решение по этому “пути” не пошло (п. 52 и 53).

В решении Суда не был достаточно точно и ясно определен характер связи, необходимой, чтобы отнести дело к “спору о гражданских правах”. Об этом говорят неиспользуемые в решении расплывчатые и двусмысленные формулировки: необходимо, чтобы спор “касался” гражданских прав и обязанностей, чтобы результат разбирательства “был определяющим” для такого права (п. 46); гражданские права и обязанности должны “являться предметом — или одним из предметов” спора, результат процесса должен быть “прямо определяющим” для такого права (п. 47); вопрос об этом праве должен быть причиной дела (п. 47); временное лишение лицензии должно являться “прямым и существенным вмешательством” в осуществление соответствующего права (п. 49); оспаривание должно считаться “относящимся” к гражданским правам и обязанностям (п. 50) и т. д.

Подобные формулировки не могут служить ориентирами ни для государств-членов при приведении их законодательств в соответствие с требованиями органов Конвенции, ни для сторон о возможных исходах их жалоб. В целом они не способствуют и правовой безопасности, принципу, на который часто и совершенно обоснованно ссылается Суд в своих решениях.

Является ли тот факт, что заявители занимались медицинской практикой как свободной профессией не достаточным для того чтобы квалифицировать данное право как “частное” (п. 48)? Разве для заявителей ситуация (в отношении защищаемых Конвенцией прав, на которые они ссылаются) была бы иной, будь они врачами государственного медицинского учреждения или частной клиники? В самом деле, они не утверждают, что пострадали от вмешательства в их право на договорные отношения со своими пациентами; они жалуются лишь на нарушение их права просто заниматься профессиональной деятельностью. А в таком случае может ли иначе обстоять дело с правом заниматься другими профессиями, “свободными” или нет?

Кроме того, для меня не представляется возможным, решая вопрос о целях применимости статьи 6 п. 1 различают предоставление права заниматься какой-либо профессией и лишение этого права, если только не исходить из доктрины приобретенных прав, которая, как это признано юридической наукой не имеет всеобщего применения. В решении по делу Кёнига, на котором основано настоящее решение, такое различие делается (см. возражения против этого в моем особом мнении, с. 47).

Из доктрины, на которой основано решение по делу Кёнига, с дополнениями, вытекающими из настоящего решения, следует, что право заниматься какой-либо профессией, даже если оно регламентируется в основном публичным правом, является “гражданским правом” в смысле статьи 6 п. 1. Значит, любое разбирательство, каким бы оно ни было: административным или дисциплинарным, предметом или косвенными последствиями которого являются предоставление или лишение права заниматься профессиональной деятельностью, будет касаться “определения гражданских прав”: соответственно оно должно отвечать требованиям этой статьи, по крайней

мере в последней инстанции. Совершенно неизбежным, на мой взгляд, следствием доктрины, по которой было принято решение по делу Кёнига и настоящее решение, несмотря на все оговорки, представленные сплошь и рядом в них обоих, станет то, что в праве большинства государств-членов появятся несоответствия Конвенции.

На мой взгляд, последствие такого рода недопустимо и не будет понято государствами-членами. Поэтому оно имеет для меня скорее значение довода *ad absurdum*. Однако следует обратиться к причинам данного неприемлемого результата. По моему мнению, они, несомненно связаны со стремлением втиснуть в прокрустово ложе статьи 6 п. 1 такие правовые ситуации, для которых она явно не была создана.

5. Чтобы как-то обойти данные последствия, в решении проявляется тенденция к смягчению исходной доктрины, предусматривается, в частности, возможность отказа от публичности процесса. Однако это слабое средство. Если предусмотрено, что процесс должен быть публичным, в принципе ни одна из сторон не может отказаться от этого, ибо эта публичность предусмотрена не ради каких-то исключительных интересов участников, а в интересах, которые выше интересов сторон, т. е. в интересах правосудия; если же, напротив, публичность исключается, как это совершенно справедливо делается при разбирательстве дел дисциплинарного порядка, то такой “отказ” от публичности, заявленный одной из сторон, теряет всякий смысл.

Отмечу мимоходом, что ссылка (п. 59 настоящего решения) на дело Девеера (Серия А, т. 96, т. 35, п. 49), по моему мнению, к делу не относится: отказ на основе договора или мировой сделки от обращения в суд и рассмотрения в соответствии со статьей 6 п. 1 вопроса об оспариваемом материальном праве — это совершенно иное дело. Доктриной признается, что такое право на отказ совершенно не предполагает права сторон организовывать нечто вроде процесса по их усмотрению, после того как он был начат ими или против них (запрещение соглашения об установлении процедуры самими сторонами).

Я, со своей стороны, не думаю, что можно таким образом применять статью 6. Если какое-то дело основано на данной норме, то она должна применяться полностью *in toto*, и констатация невозможности или нецелесообразности полного ее применения является, по моему мнению, доказательством неприменимости данной нормы к данному делу или к определенному классу дел.

Я в принципе хотел бы заявить о своем категорическом возмущении против эклектического применения гарантий статьи 6 п. 1. Кроме того, что такое применение может быть несовместимым с духом и буквой этой нормы, оно может оказаться и очень опасным для интересов сторон.

В конечном итоге в решении сделан вывод о нарушении статьи 6 п. 1 в одном из ее аспектов, которые для данного дела имеют весьма второстепенное и маргинальное значение — это отсутствие публичности в разбирательстве дисциплинарного характера. Следует отметить, что заявители также высказывали эту претензию, но с целью, которая совершенно не связана с гарантией публичности в смысле статьи 6 п. 1. И чтобы прийти к такому весьма незначительному результату, в решении сделаны такие выводы, от которых придут в замешательство государства-члены и которые, по меньшей мере, приведут ко все возрастающей правовой неуверенности в таком тонком вопросе, как вопрос судебных гарантий, предусмотренных Конвен-

цией. Именно по этой причине, к моему большому сожалению, я не могу с этим согласиться.

В.

Я полностью согласен с настоящим решением в части, касающейся вывода об отсутствии нарушения права на свободу ассоциации в смысле статьи 11 Конвенции.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПИНЕЙРО ФАРИНЫ

К моему большому сожалению, я не могу присоединиться к мнению большинства моих коллег по вопросу нарушения статьи 6 Европейской Конвенции о защите прав человека.

В самом деле:

Я думаю, что в медицинской профессии над материальным доминирует духовное, так что право, затронутое в связи с временным лишением права заниматься врачебной практикой, имеет публичный характер, а не гражданский (я об этом уже говорил *mutatis mutandis* в моем особом мнении по делу Кёнига).

Я согласен с большинством (п. 47 решения) в том, что “каждый из двух официальных текстов п. 1 статьи 6 Конвенции — французский (“*contestation sur*” — “оспаривание”) и английский (“*determination of*” — “определение”) говорит не о тонких связях и отдаленных последствиях; гражданские права и обязанности должны быть очевидным предметом — или одним из предметов — “спора”; и это право должно прямо определяться результатом судебного процесса; имеет прямое значение для установления этих прав”.

Но я думаю, что в дисциплинарных органах Ордена не обсуждались последствия поведения д-ров Ле Конта, Ван Левена и Де Мейера для частноправовых отношений с их клиентами.

Разбирательство в дисциплинарных органах (советах провинций и апелляционных), а затем в Кассационном суде касалось только профессионально-этических вопросов, а они не регулируются гражданским правом.

Я согласен со следующим утверждением большинства (п. 42 решения); о том, что при дисциплинарных преследованиях оспариваются не “гражданские права и обязанности”... Однако не исключена возможность того, что при некоторых обстоятельствах дело будет обстоять иначе”.

Это означает, что обычно разбирательства дисциплинарного характера не подпадают под требования статьи 6 п. 1 Конвенции.

Оправдана ли применимость статьи 6 п. 1 к дисциплинарному разбирательству?

По моему мнению, применимость или неприменимость статьи 6 п. 1 определяется не результатом данного разбирательства, не налагаемой санкцией.

Применимость статьи 6 п. 1 зависит от предмета разбирательства, и в нем *causa petendi* является одним из элементов.

Процессуальное отношение представляет собой динамичное правоотношение (*Manuel Andrade*, *Lizoes do Processo Civil*, p. 363) или, точнее, поступательно изменяющееся отношение, ибо оно постепенно продвигается к окончательному результату процесса, и именно поэтому мы не можем ждать

принятия решения, чтобы установить, решается ли в нем вопрос “определения гражданских прав и обязанностей”.

Мне не кажется, что при дисциплинарном разбирательстве следует (или не следует) выполнять требования статьи 6 п. 1 в зависимости от того, идет ли речь о лишении права заниматься врачебной практикой (вопрос применимости) или от других дисциплинарных санкций, таких как: предупреждение, порицание, выговор, налагаемых по окончании разбирательства, которое может далеко отойти от норм Конвенции. Эта неопределенность, зависящая от результата может существовать вплоть до принятия окончательного решения.

Настоящее дело касается только нарушения профессионально-этических норм, чем, по моему мнению, и объясняется неприменимость статьи 6 п. 1 Конвенции.

В заключение, я полагаю, что не было нарушения ни статьи 6 п. 1, ни статьи 11 Конвенции.

ОТДЕЛЬНОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПЕТТИТИ

Вместе с большинством Суда я голосовал за признание применимости статьи 6 п. 1. Однако я должен представить здесь свое толкование данного вопроса в свете проблемы публичности. Вопрос публичности возникал на этапе кассационного обжалования при рассмотрении дела, которое заключалось в простой проверке законности принятых решений.

Вопрос публичности разбирательства по смыслу статьи 6 возник по той причине, что бельгийское законодательство не предусматривает жалоб по вопросам общего характера, каким является вопрос о публичности в смысле статьи 6.

Полное, с соблюдением требований общего характера, разбирательство необходимо для того, чтобы не допустить злоупотреблений юрисдикционных органов Ордена, который может, например, преследовать в дисциплинарном порядке какое-то поведение, связанное с определенной позицией профсоюза или корпорации; это противовес той судебной функции, которую имеет Орден.

Если на последней ступени юрисдикции Ордена предусмотрено обжалование общего характера, то публичность на этой единственной ступени уже в достаточной степени удовлетворяет требованиям данной статьи Конвенции.

В данном случае нельзя не учитывать особенности дисциплинарного процесса, а также его тесную связь с традицией отвечать целям профессий, выполняющих миссию государственной службы в области здравоохранения и правосудия.

Принцип осуществления разбирательства лицами той же профессии определяется внутренней необходимостью, связанной с хранением тайны профессиональных материалов, с получением конфиденциальных признаний со стороны третьих лиц, с защитой чести лиц данной свободной профессии.

Публичность разбирательства в совете Ордена и в апелляционной инстанции может сказаться на дальнейшей карьере тяжущегося в случае последующего признания его невиновности. Предоставление права выбора закрытого или открытого процесса лицу, которому предъявлено обвинение, не представляет собой достаточную защиту. В крайнем случае в поисках новых

решений законодательного или регламентарного характера можно предусмотреть публичность в апелляционном органе, но тогда доступ на слушания может быть предоставлен только членам, относящимся к данной профессии.

Но лучшим решением, в котором сочетались бы соблюдаемые профессиональные традиции и нормы справедливого разбирательства в свете Европейской Конвенции, может быть, по моему мнению, решение, когда публичность предусматривается только на последнем этапе рассмотрения дела.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ СЭРА ВИНСЕНТА ЭВАНСА

1. Я согласен с решением Суда в том, что не было нарушения статьи 11 Конвенции.

В то же время я сожалею, что не могу разделить мнение большинства Суда о том, что имело место нарушение статьи 6 п. 1. С моей точки зрения, статья 6 не применима в данном деле, т. к. в разбирательстве, на которое жалуются заявители, не было спора о гражданских правах и обязанностях, а также уголовных обвинений в смысле данной статьи Конвенции.

Суд рассматривает понятие “гражданских прав и обязанностей”, фигурирующее в статье 6, как относящееся к правам частноправового характера (см. решение по делу Рингейзена от 16 июля 1971 г. Серия А, т. 13, с. 39, п. 49; решение по делу Кёнига от 28 июня 1978 г. Серия А, т. 27, с. 32, п. 95; п. 44 и 48 настоящего решения).

Толкование терминов “гражданские права и обязанности” в их соотношении с частными правами и обязанностями соответствует французскому тексту статьи 6, оно связано с историей подготовки статьи 6, когда подчеркивалась мысль о том, что эти термины должны иметь ограничительное значение, в особенности в отношении публичного права, включая и административное. Я поддерживаю утверждение о том, что только тонкие связи и отдаленные последствия недостаточны, ибо такие права и обязанности должны быть очевидным предметом “спора”, а результат процесса должен быть определяющим для установления этих прав (п. 47 настоящего решения). Мое несогласие с мнением большинства в Суде касается вывода о том, что предметом данного спора или разбирательства было, по их утверждению, определение частного права.

Данное разбирательство проводилось в соответствии с королевскими указами, регулирующими в Бельгии деятельность Ордена врачей и наделяющими дисциплинарными полномочиями органы Ордена для “обеспечения соблюдения норм медицинской этики и поддержания чести, скромности, честности и достоинства членов Ордена” (п. 24 решения). Таким образом, разбирательства в советах провинций и Апелляционном, а затем в Кассационном суде касались вопросов публичного характера. Предметом разбирательства был дисциплинарный вопрос — обеспечение соблюдения норм профессиональной этики, а не определение частных прав. То, что в результате разбирательства могли оказаться затронутыми права частного характера, является, по моему мнению, недостаточным, чтобы относить этот вопрос к сфере действия статьи 6.

Данное решение имело следствием применение статьи 6 п. 1 к таким делам, для которых она, по моему мнению, не предназначалась и к которым не всегда подходят ее требования, в частности, по вопросу публичности.

Например, по дисциплинарным делам не всегда полезно для общественных интересов и желательно для отдельных лиц, чтобы разбирательство было публичным, в особенности когда лицо признается невиновным в совершении какого-либо профессионального проступка. Применение статьи 6 п. 1 к дисциплинарным случаям может также породить некоторые трудности, связанные с составом дисциплинарных органов, а также с тем, что такие органы не всегда “установлены законом”.

Остается рассмотреть, предполагалось ли в дисциплинарных разбирательствах по данному делу определить наличие уголовного обвинения, предъявленного заявителям. Так как по мнению Суда, данное разбирательство касалось определения гражданских прав и обязанностей, он посчитал излишним решать данный вопрос (п. 53 решения). Как отмечено Судом, решая вопрос о приемлемости жалоб, Комиссия заявила, что дисциплинарные органы Ордена не могли рассматривать уголовные обвинения (п. 52 решения). Я не вижу никаких оснований, чтобы не согласиться с ее мнением. Хотя в деле Энгеля и других разбирательство велось в соответствии с дисциплинарным законодательством, Суд решил, что некоторые выдвинутые против заявителей обвинения относятся к “уголовной” сфере, ибо их целью было наложение суровых наказаний в виде лишения свободы (Серия А, т. 22, с. 36, п. 85). В настоящем деле ни предъявленные заявителям обвинения, ни примененные дисциплинарными органами санкции не носили уголовного характера. Нет сомнения в том, что отказ г-на Ле Конта выполнить требования Ордена привел в дальнейшем к тому, что против него были выдвинуты уголовные обвинения и он был приговорен к заключению и штрафу, но при этом не было никаких жалоб о нарушении статьи 6 бельгийскими судами.

По этим причинам я делаю заключение, что не было нарушения статьи 6 Конвенции.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ТОРА ВИЛЬЯМСОНА

Я присоединяюсь к особому мнению судьи сэра Винсента Эванса.